

## НЕКОТОРЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РУСАХ И ВИЗАНТИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ IX В. ЧАСТЬ 1.

*Л. Н. Аряев, М. А. Несин*

*В источниках нет сведений о численности населения Константинополя в IX в. В историографии до сих пор некритически используется сделанная более ста лет назад А. Андреадисом реконструкция численности населения средневекового Константинополя, хотя сам автор считал ее ненаучной и опирался на круглые цифры нарративных источников, которые признавал ненадежными и недостоверными. Внимательный анализ источников позволяет оценить численность населения средневекового Константинополя в пределах десятков тысяч, а не сотен тысяч человек. Уникальные сведения рассказа Иоакимовской летописи о князе Аскольде и его походе на Царьград не являются историческим источником о походе русов на Константинополь 860 г. а носят явные признаки авторства самого В. Н. Татищева, восходя либо к используемым Татищевым поздним источникам, либо к авторским гипотезам самого Татищева.*

*Ключевые слова:* А. Андреадис, Якопо Тетальди, В. Н. Татищев, Иоакимовская летопись, Аскольд и Дир, Русь, Константинополь.

В историографии до сих пор сохраняются некоторые стереотипы в отношении истории русов и Византии в IX в.

По сей день некритически используется высказанная более ста лет тому назад А. Андреадисом версия о проживании в средневековом Константинополе с IV по XII в. от полумиллиона до одного миллиона человек, несмотря на то, что сам А. Андреадис признавал, что имеющиеся в научном обороте источники не позволяют сделать научных реконструкций численности населения города в этот период [26, р. 106], а за последние сто лет не были открыты новые источники, содержащие неизвестные ученым времен Андреадиса данные по этой тематике. До сих пор, несмотря на то, что специалистам давно ясна апокрифичность используемой В. Н. Татищевым т. н. «Иоакимовской» летописи, ее отдельные уникальные известия некритически используются в качестве исторических источников, а ее рассказ о походе князя Аскольда на Царьград уверенно публикуется в числе источников о походе русов на Константинополь 860 г. [13, с. 170-171]. Поныне некоторые ученые настаивают на том, что действовавший в 839 г. правитель росов-

свеонов, названный «chacanus», непременно носил каганский титул владык степных кочевых империй, не свойственный норманнам, а не скандинавское имя Хакон, невзирая на отсутствие археологических данных о проживании скандинавов в первой половине IX в. в лесостепной зоне Восточной Европы по соседству с Хазарским каганатом. Поныне уверенно пишут о Фотиевом крещении русов как о первом общенародном крещении Руси, несмотря на полное отсутствие документальных сведений о русской епархии в списке епархий из труда Константина VII Багрянородного «О церемониях» и нотициях константинопольского патриархата вплоть до времен Владимирова крещения Руси. При этом не учитывается опыт крещения скандинавских конунгов, который нередко касался только самих правителей и их окружения, а не всего народа.

Возникает вопрос – являются ли эти стереотипы обоснованными, или от них стоит избавиться для плодотворного развития исторической науки? Этому посвящена настоящая работа. Она выполнена в трех частях. Данная первая часть посвящена проблемам численности населения Константинополя в IX в.

и рассказу Иоакимовской летописи о походе Аскольда на Царьград.

### **Какова была численность населения Константинополя во время набега русов 860 г.?**

В источниках нет сведений о численности населения Константинополя в IX в., в частности, во время набега русов на Константинополь 860 г. Да и вообще практически отсутствуют данные о количестве жителей города до XV в. Наверное, поэтому почти никто, кроме А. Андреадиса, специально не занимался реконструкцией численности населения византийской столицы в раннем и высоком Средневековье. Опубликованная более ста лет назад работа Андреадиса, в которой высказана версия о проживании в Константинополе IV–XII в. от полумиллиона до миллиона человек [26], по-прежнему остается практически единственным исследованием по этой теме<sup>1</sup>. Поэтому высказанные в ней оценки численности населения города иногда по умолчанию используют в качестве научно установленных фактов [35]. И даже Г. А. Острогорский, на словах назвав оценки А. Андреадиса «слишком высокими», на деле повторил его вывод, что «в VI в.» Константинополь «насчитывал почти один миллион жителей» [18, с. 85].

В то же время стоит отметить, что сам А. Андреадис не считал свою реконструкцию научной. Он признавал, что источники не позволяют делать утвер-

ждений и научных реконструкций о численности населения Константинополя в IV–XII вв., хотя и считал, что не будет опрометчивым полагать, что с IV по XII в. численность населения города редко опускалась ниже 500000 и иногда доходила до 800000–1000000 человек [26, р. 106]. И, как уже было сказано, с тех пор в научном обороте не прибавилось новых источников, содержащих неизвестные А. Андреадису данные о численности населения города в те века.

В этой связи возникает вопрос, насколько реконструкция Андреадиса обоснована?

Не имея надежных материалов по количеству жителей Царьграда в раннем Средневековье, А. Андреадис получил эти данные из круглых цифр нарративных источников, которые сам не считал бесспорными или достоверными.

Так, из сведений Созомена о ежедневных раздачах 80000 хлеба жителям Константинополя при Константине Великом, Андреадис сделал вывод о проживании в городе 700000 или 800000 душ, при том, что сам отметил, что не ясно, идет ли речь о буханках хлеба, или ведрах зерна [там же, р. 80]. Заметим, что в первом случае население города исчислялось не сотнями, а десятками тысяч человек – и то если допустить, что эта округленная цифра, относящаяся к хлебным раздачам, не преувеличена, а Созомен, писавший почти сто лет спустя после смерти Константина Великого, располагал точными сведениями об осуществлявшихся при этом императоре хлебных раздачах, а не занимался эпическим прославлением щедрости основателя византийской столицы.

Кроме того, Андреадис опирался на сведения Прокопия Кесарийского о 300000 жителях Милана, погибших в 539 г. при вторжении готского войска, и, хотя считал эту круглую цифру сильно завышенной, тем не менее, сделал ответственный вывод, что население более многочисленного Константинополя в VI в. достигало 800000–1000000 человек [там

<sup>1</sup> Единственное принципиальное исключение – работа Д. Якоби, посвященная проблеме максимально возможной численности населения Константинополя в период Византийской империи [29]. В ней ученый не опирался на оценки нарративных источников, а попытался рассчитать верхний предел возможной численности населения византийской столицы по аналогии с плотностью населения других средневековых европейских городов и пришел к выводу, что в Константинополе жило не более 400000 человек. Но, располагая весьма приблизительными данными о плотности населения других городов Европы и плотности застройки самого Константинополя, он сделал умозрительные расчеты, гипотетичность которых бросается в глаза [18, с. 85]. В XXI в. вышли работы М. Каплана и Я. Кокса о численности населения города в период Византийской империи. Но поскольку авторы не делали собственных наблюдений, повторяя выводы других ученых [30; 31], то их статьи затруднительно отнести к самостоятельным исследованиям этой проблемы.

же, р. 84]. Для того, чтобы проиллюстрировать подобную численность населения Константинополя до XII в. включительно, А. Андреадис был готов опираться на гордое заявление участника IV крестового похода графа Гуго де Сен-Поля, что менее 20000 крестоносцев смогли одолеть более 300000 защитников города, при том, что сам допускал, что число побежденных врагов могло быть заметно преувеличено победителем [там же, р. 99-100]. При этом историк, с одной стороны, постеснялся сослаться на содержащуюся в хронике Жоффруа де Виллаурдена более грандиозную оценку численности защитников Константинополя (400000 или более человек [10, с. 64])<sup>2</sup>, зато безоговорочно принял на веру заявление Виллаурдена, что в Константинополе сгорело больше домов, чем имеется в трех крупнейших городах Франции [26, р. 100]. Впрочем, ради подкрепления своей версии о миллионном населении города Андреадис опирался даже на неverified сведения из энциклопедии, что население Багдада при Абассидах достигало 800000 человек, признав, что не нашел подтверждение этой оценки в трудах авторитетных историков, но заявив, что если ее признать вероятной, то трудно поверить, что столица Никифора Фоки и Василия II была менее населенной [там же, р. 96]. Остается согласиться с А. Андреадисом, что это уже и вправду скорее из области веры, а не науки: научная реконструкция не может базироваться на неverified оценках и, конечно, в научных исследованиях следует разделять такие понятия, как «возможно» и «очевидно».

В проповедях Иоанна Златоуста IV в. А. Андреадис отметил противоречивые сведения с одной стороны о прожи-

вании в городе 100000 человек, из которых 50000 были нищими (то есть, половина населения), с другой стороны, о том, что эти нищие составляли десятую часть жителей города [там же, р. 85] (следовательно, численность последних достигала целых 500000). Такие противоречия неоднократно встречаются в нарративных источниках. К примеру, в русской Повести временных лет (далее – ПВЛ) в битве на р. Вагре 1099 г. упомянуто войско половецкого хана Боняка численностью в 300 человек, которое в то же время состояло из 3-х отрядов по 50 человек [19, с. 115]. Шведская хроника Стуре, повествуя о русском походе на Гамскую землю 1496 г., сообщила, что шведская сторона выставила 2000 и 900 всадников, которые в то же время составили более 40000 человек [7, с. 289-290]. Подобные примеры можно множить. Ясно, что в таких случаях средневековые книжники не пытались делать точных расчетов, а указанные ими цифры носили символический характер, обозначая большое или несметное количество. Тот же Андреадис эти противоречивые оценки Иоанна Златоуста счел столь ненадежными, что призывал не придавать им значения [26, р. 85]. Но в то же время определенно использовал их для получения минимальной численности населения Константинополя в 500000, умножив 50000 нищих (составлявших не то половину, не то десятую часть жителей города) в 10 раз.

Таким образом, можно согласиться с А. Андреадисом, что его реконструкции численности населения Константинополя IV-XII в. ненаучны, поскольку основаны на круглых символических цифрах нарративных источников, которые сам ученый не считал точными и надежными. Поэтому опираться на такую реконструкцию для представления о численности населения города во время набега русов 860 г. весьма опрометчиво.

Надо к тому же учитывать, что изменение населенности Царьграда с IV по XII вв. не было прямолинейным и

<sup>2</sup>Поскольку, согласно хронике, их одолело 20000 вооруженных людей (крестоносцев) [там же], речь, вопреки восходящему к работам П. Магдалино утверждению некоторых исследователей численности населения Константинополя [ср: 30; 31], идет отнюдь не о количестве всех жителей города, а, как и в хронике Г. Сен-Поля – только о боеспособных мужчинах, защищавших город.

равномерным. Даже те историки, которые готовы доводить число его жителей при Юстиниане I до 400-500 тысяч человек, отмечают резкий коллапс населенности при его преемниках, связанный с эпидемиями, войнами и потерями критически важных для снабжения столицы территорий, вроде Египта [30; 31]<sup>3</sup>. Точных числовых данных опять-таки нет, но по косвенным признакам можно убедиться, что упадок столицы в VII в. носил апокалиптический характер. С. Манго обращает внимание, что даже акведук, самая важная часть городской инфраструктуры, будучи разрушенным аварами в 626 г., был восстановлен не ранее 766 г. При этом даже для исполнения неквалифицированных восстановительных работ не нашлось достаточного количества людей в самом городе, и их пришлось завозить из Фракии. По резонному замечанию исследователя, выжить в течение более ста лет без централизованного водоснабжения город мог лишь при условии, что его численность составляла самое большее 50 тысяч человек, а вероятно и вдвое меньше [33, s. 90]. С VIII в. город начинает восстанавливаться. Но даже по самым оптимистичным и маловероятным оценкам Д. Якоби, число жителей в XII в. не достигает юстиниановского уровня, составляя 200-250 тысяч человек [29]. В IX в., когда русы появились под стенами Константинополя, численность его населения могла исчисляться лишь десятками тысяч человек. О том, что Царьград в этот период находился не в лучшем состоянии, свидетельствует, по замечанию Манго, приписываемые Василию I меры по благоустройству столицы:

<sup>3</sup>Утверждение этих авторов о проживании в Константинополе при Юстиниане I около полумиллиона жителей восходит к выводу С. Манго, что в то время зерно из Египта вывозили в количестве, достаточном для пропитания 500000 человек [33, s. 86]. Впрочем, А. Андреадис, заметив, что женщины и дети обычно едят меньше мужчин, считал, что этим зерном можно было прокормить и 700000 горожан [26, p. 88-89]. Однако такие расчеты строятся на допущении, что зерно употреблялось людьми исключительно в пищу, а не в других целях вроде корма скота.

все новые здания относятся к дворцовым помещениям, в то время как в случаях с городскими и пригородными церквями речь идет о подновлении старых построек, которые находились на грани уничтожения [33, s. 91].

Кроме того, Андреадис пытался реконструировать численность населения Константинополя времен упадка, при последнем Палеологе. Для этого он принял на веру сведения нарративных источников о 50000–60000 пленниках, захваченных турками после взятия Константинополя в 1453 г. и сделал произвольные допущения, что еще столько же горожан, не представлявших интерес для работорговли, было убито, а еще одна треть смогла спастись; таким образом, у А. Андреадиса получилось, что всего в городе проживало 150000 – 200000 человек [26, p. 104-105] (при этом, указанное современником, М. Кривотулом, число убитых – несколько тысяч человек – Андреадис считал неполным, так как оно якобы расходится со сделанными христианскими авторами красочными описаниями устроенной турками резни в захваченном городе [там же]; между тем убийство нескольких тысяч тоже представляло собой не мирное зрелище, не говоря уж о том, что события вроде захвата мусульманами христианского города с убийством любого количества жителей в средневековом христианском нарративе часто не обходились без упоминания о жестокости иноверцев по отношению к христианам). Допускаем, что более ста лет назад, когда трудился этот ученый, такого рода расчеты было делать нормально. Но в настоящее время ни один серьезный исследователь при реконструкции численности жителей средневекового города не станет некритически опираться на нарративные сведения о количестве пленников или военных потерь. Никто из современных специалистов не станет на основе знаменитой версии московского великокняжеского летописания о гибели в Шелонской битве 1471 г. 12000 новгород-

ских бойцов (против ни одного убитого москвича) делать сенсационный вывод о проживании в средневековом Новгороде многих десятков тысяч человек; даже А. В. Быков, единственный нынешний военный историк, доверяющий московским летописным оценкам размеров новгородского воинства, домысливает о наличии в его составе большого сельского контингента, но не заявляет, что в городе жили десятки тысяч одних только боеспособных мужчин [6]. Не говоря уж о том, что догадка Андреадиса, что целая треть населения Константинополя спаслась от смерти и плена весьма сомнительна ввиду полного молчания источников о столь массовом везении горожан.

Наконец, А. Андреадис пытается подтвердить свою версию о проживании в 1453 г. в Константинополе более 100000 жителей, сослался на сведения находившегося в то время в византийской столице флорентийского купца Якопо Тетальди о наличии в городе 36000 человек и, почему-то решив, что речь идет только о боеспособных мужчинах, предложил умножить эту цифру в 4-5 раз; в итоге он насчитал 140000–180000 горожан [26, р. 105]. Между тем, Я. Тетальди сообщал о находившихся в городе 30000–36000 человек и не более 6000-7000 бойцов: «En icelle cite ly avoit entour de trente a crente-fix mille hommes, & fix a fept mille combattans, Sc non plus» (В этом городе было около тридцати-тридцати шести тысяч человек, и шесть-семь тысяч бойцов, и не более — франц.) [34, col. 820]<sup>4</sup>. Как уже отмечалось в историографии, сведения Теталь-

ди подтверждают данные императорского секретаря Георгия Сфрандзи, составившего список всех имевшихся в городе мужчин, способных носить оружие, о наличии в византийской столице менее 7000 боеспособных мужчин: 4983 грека и менее 2000 иноземцев [20, с. 64]. Поскольку бойцов мобилизовали не в дальний военный поход, а для обороны своего города, то вполне правдоподобно, что к обороне города было привлечено большинство боеспособных мужчин, составлявшее пятую или шестую часть от всего городского населения, включавшего стариков, женщин и детей. Таким образом, в 1453 г. Константинополь насчитывал меньше 7000 боеспособных мужчин, а все его население составляло порядка 3-х десятков тысяч человек. Даже если допустить, что в периоды расцвета города (в VI и IX–XI вв.) в нем было в разы больше жителей, чем в последние десятилетия существования Византийской империи, речь, наверное, шла разве что о многих десятках, а не о сотнях тысяч человек.

Даже если в будущем будут обнаружены документы, подтверждающие гипотезу А. Андреадиса о проживании в Константинополе с IV по XII в. сотен тысяч человек, это не отменит того факта, что реконструкция Андреадиса не является научной, так как он опирался на круглые цифры нарративных источников, которые сам считал недостоверными и ненадежными. В начале XX в. серьезному ученому, вероятно, так делать было можно (хотя сам А. Андреадис осознавал ненаучность своей реконструкции). Сейчас созданием подобного рода реконструкций (порой даже не брезгуя удобными ссылками на источники, не имеющие отношения к делу) занимаются разве что авторы эрзац-научных работ [17].

Таким образом, суждения авторитетных ученых, высказанные более ста лет назад, порой нуждаются в проверке. А от того, что на них иногда в XXI в. не-

<sup>4</sup>С. Рансимен тоже допускал, что 30-36 тысяч человек — это только мужчины, а всего в городе с учетом женщин, стариков и детей было 40000-50000 человек [20, с. 64]. Однако, в таком случае численность жителей города достигла бы не 40-50, а, как минимум, около 100 тысяч: количество взрослых и не старых мужчин всегда составляет меньше половины общей численности населения. Не говоря уж о том, что как отмечал сам Рансимен со ссылкой на сведения императорского секретаря Георгия Сфрандзи, на защиту города набирали всех мужчин, способных носить оружие, включая монахов (это и есть практически все мужчины, кроме стариков и детей) — а таких нашлось в Константинополе как раз менее 7000 [там же].

критически продолжают опираться, они не становятся более фундированными.

**Буря без участия высших сил и днепровские хазары. Кто автор расказа т. н. «Иоакимовской» летописи о походе Аскольда на Царьград – средневековый хронист, или рационалист века Просвещения?**

П. В. Кузенков в числе источников о походе русов на Константинополь 860 г. заодно опубликовал выдержку из т. н. «Иоакимовской летописи» (далее – ИЛ), известной из сочинений В. Н. Татищева [13, с. 170-171], прокомментировав это так: «Уникальные сведения, в ней содержащиеся, возбудили подозрение позднейших историков. Считалось даже, что сама «Иоакимовская летопись» не что иное, как хитроумная фальсификация самого Татищева. Ныне, однако, признано, что такой источник, скорее всего, действительно существовал, но происхождение его весьма позднее, а достоверность рассказов о предыстории Руси проблематична; эта летопись может быть сопоставлена с сочинениями, распространенными в XVII в. в Польше, на Украине, в Белоруссии и России (Творогов О. В. Иоаким //СККДР, вып. I. С. 204-206)». [13, с. 172]. Однако, стоит отметить, что в статье О. В. Творогова 1989 г., на которую сослался Кузенков, не приводится никаких доказательств в пользу того, что ИЛ представляла собой настоящий – пусть и поздний – летописный памятник, а не была сочинена самим В. Н. Татищевым [24] <sup>5</sup>. И тот же

Кузенков не смог найти в опубликованном им фрагменте ИЛ о походе Аскольда на Константинополь каких-то уникальных сведений, свидетельствующих о том, что данный фрагмент представляет собой самостоятельный исторический источник о походе русов на Константинополь 860 г. И, насколько нам известно, никем из историков они выявлены не были. Мы, в свою очередь, тоже таких сведений не обнаружили. Зато стоит отметить, что все уникальные сведения ИЛ о деятельности князя Аскольда, отличные от восходящего к ПВЛ начала XII в. традиционному летописному нарративу о походе киевских князей Аскольда и Дира на Царьград, имеют явные признаки авторства самого В. Н. Татищева.

Иоакима», не получала должного обоснования совсем не бесспорная дата крещения Новгорода, из находки одного-единственного медного крестика делался вывод о наличии «христианской общины» в городе, начало церкви Преображения на улице Розважжа произвольно относилось к X в. и т.д.) [9]. С. В. Конча и вовсе для того, чтобы доказать наличие древней основы в рассказе ИЛ о «долгой стене», у которой во время похода на Византию пало много воинов Святослава, дал ссылку на мнение болгарских археологов, в действительности основанное не на археологических материалах, искажал сведения используемой литературы ради того, чтобы эффективнее проиллюстрировать достоверность «татищевского известия» и, главное, исходил из собственного домысла о расположении этой стены в Болгарии, а не у Константинополя, что никак прямо не вытекает из ИЛ [ср: 11; 5]. Наиболее сильный аргумент в пользу того, что автором ИЛ был не сам Татищев, а некое другое лицо, высказал М. Б. Свердлов, указавший, что имя упомянутое в ней имя Боривой явно взято из хроники Козьмы Пращского, с которой Татищев не был знаком [21, с. 82]. Однако, в действительности «король Боривой» фигурировал в знаковой Татищеву «Книге историографии» Мавро Орбино [32; 2, с. 51]. Во всяком случае, в ИЛ безусловно встречаются такие не характерные для русского средневекового летописания явные приметы автора XVIII в., как, например, история наследования Юриком престола деда по женской линии, абсолютно нетипичная для средневековой Руси, зато живо напоминающая современное Татищеву объявление наследником российского престола гоштинского принца Карла Петера Ульриха, сына дочери Петра I Анны, ставшее возможным уже в результате вышедшего при жизни Татищева знаменитого петровского указа о престолонаследии, или сведение о постройке Гостомыслом города Выбора «при мори» после победы над варягами, (явная аллюзия на Выборг, который при жизни самого В. Н. Татищева был отбит у шведов петровскими войсками и стал по выражению Петра I, подушкой Петербургу [16; 5]). Это дает основание внимательно присматриваться к каждому известию ИЛ, прежде чем относить его к числу средневековых источников.

<sup>5</sup> Впрочем, до сих пор никем не приведено исчерпывающих аргументов в пользу того, что авторство ИЛ не принадлежит самому В. Н. Татищеву. После работ Е. Е. Голубинского, М. Горлина, В. М. Моргайло [8; 28; 15] стало ясно, что ИЛ – не древнерусский источник, а написана современным В.Н. Татищевым языком и сейчас сторонники подлинности ИЛ разве что предпринимают спорные попытки усмотреть в некоторых отдельных известиях раннюю основу. Например, В. Л. Янин пытался обосновать аутентичность рассказа ИЛ о крещении новгородцев в 989 г. «мечом и огнём» с помощью материалов археологических раскопок в новгородском Неревском конце [25]. Однако, при ближайшем рассмотрении выясняется, что версия Янина построена на целом ряде натяжек (например, никак не пояснялось отсутствие сведений о поджоге в первоначальном варианте «Истории

1) В числе пригласивших Аскольда на княжение поднепровских киевских славян помимо полян фигурируют некие горяне, которые неизвестны ни в каких источниках, зато идеально вписываются в авторскую гипотезу Татищева о сарматском происхождении название Киева от слова «Киви» (что, по мнению Татищева, означало «горь»). [Ср.: 22, с. 104, 110].

2) Князь Аскольд фигурирует без Дира [там же, с. 110]. Это полностью расходится с незыблемой русской летописной традицией, согласно которой Аскольд и Дир действуют сообща (даже в Никоновской летописи, в коей выделена повесть «О князе Рустем Оскольде», Аскольд и Дир при этом, как обычно, вместе участвуют в походе на «Константиноград» [13, с. 160]), зато опять же соответствует неверифицируемой [там же, с. 172] гипотезе В. Н. Татищева, что Дир – это не имя собственное, а характеристика самого Аскольда «тирар» (якобы «пасынок») Рюрика [22, с. 106, 117]. То же, наверное, можно сказать об уникальном сведении ИЛ об обстоятельствах вокняжения Аскольда в Киеве – будто бы его туда отправил сам Рюрик по просьбе киевлян, а Олег, который впоследствии убил Аскольда, якобы действовал исключительно из зависти, позавидовав «области» Аскольда [Там же, с. 110]. Если уж Аскольд был, по гипотезе Татищева, взрослым пасынком князя Рюрика, то ему по статусу полагалось княжение, а Олег – вопреки русской летописной традиции – не мог обвинить Аскольда в незаконном правлении. В настоящее время версия первого российского историка Татищева о происхождении скандинавского имени Дир (Dýri) от сарматского слова титарь / дидарь (пасынок) не разделяется никем из серьезных ученых.

3) Согласно ИЛ, Рюрик, отпустив Аскольда, вельми (очень сильно) болел и передал княжение и своего юного сына шурина Олегу, князю урманскому (норвежскому) [там же]. Заметим, что это явно заимствованно из неоднократно используемой Татищевым Латухинской

степенной книги 1686 г., писавшей о тяжелой болезни Рюрика, в результате которой тот умер, передав княжение сроднику (некровному родственнику вроде зятя или шурина) и вельможе Олегу, так как сын его Игорь был еще младенцем [14, с. 86]. Таким образом, составитель Латухинской степенной книги явно попытался восполнить лакуну в русском летописном нарративе о непонятной смерти Рюрика при маленьком сыне, стремясь по-своему объяснить, почему Рюрик умер до взросления Игоря. А Татищев наряду со многими другими известиями Латухинской степенной книги заимствовал этот сюжет для ИЛ. Только В. Н. Татищев сделал некровного родственника Олега шурином Рюрика и не просто вельможей, а тоже князем, пусть и норвежским (возможно недаром Татищев дал Олегу княжение так далеко от Руси, чтобы объяснить молчание русских летописей о его княжеском прошлом).

4) Между вокняжением в Киеве и походом в ладьях на Царьград Аскольд, по ИЛ «повоевал» (разорил) хазар, чего в заслугу ему не могла поставить даже Никоновская летопись XVI в., приписавшая ему с Диром разорение полочан и печенегов [13, с. 166] (в действительности последние во времена летописных Аскольда и Дира еще не приблизились к поднепровским степям [1, с. 184]). Зато это полностью отвечает ошибочным представлениям самого В. Н. Татищева, который вслед за И. Ф. фон Страленбергом полагал, что хазары жили на Днепре (об этом: [5]). В рамках этой гипотезы, собираясь в поход на Константинополь на ладьях из Киева, киевский князь Аскольд никак не мог миновать мнимые поднепровские владения хазар. И, наверное, для того, чтобы обезопасить проход для своих ладей по Днепру, предварительно совершил на хазар сухопутный набег. Ни один раннесредневековый источник не приписывал киевлянам способность около середины IX в. совершать походы против степных кочевников; ар-

хеологические раскопки на территории Киева также не свидетельствует о наличии у местного населения того времени развитой конницы, необходимой для сухопутных набегов на степняков. Но для В. Н. Татищева, современника русских сухопутных походов против крымских татар, казалось вполне естественным, что русские правители устраивали конные походы против степняков.

5) Согласно ИЛ, во время похода на Царьград буря разметала корабли Аскольда без божественного вмешательства. То есть была не божьим чудом, а обычным природным явлением. Такое восприятие морских штормов нетипично для русских летописцев, лиц духовных, но вполне нормально для светских образованных людей века Просвещения, в частности, для В. Н. Татищева, для которого было характерно опускать летописные описания чудесных явлений, либо (реже) давать им рационалистические толкования [3; 4]. (Примеры таких рационалистических трактовок можно множить: так, чтобы объяснить чудесное прозрение ослепленных князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей, Татищев домыслил, что этим князьям вовсе не выкололи глаза, а только для вида надрезали до крови кожу поверх глаз [23, с. 119]).

6) Сообщая о посылке князем Аскольдом по возвращении из похода [по слов] в Царьград и показе чуда с неопалимым Евангелием [22, с. 110], ИЛ повторяет используемые Татищевым аналогичные известия Ц. Барония, заимствованные тем из византийских хроник И. Скилицы и Г. Кедрина о прибывшем в Константинополь посольстве русов с просьбой приобщить их к крещению и об архонте русов, которому византийский архиерей показал чудо несгораемого Евангелия и при этом повторяет утверждение самого Татищева о показе русам этого чуда киром митрополитом Михаилом [ср.: там же, с. 105, 110]. Заметим, что последнюю информацию В. Н. Татищев определенно взял из Латухин-

ской степенной книги, сообщавшей об участии митрополита Михаила в крещении русов и явления им чуда неопалимого Евангелия [14, с. 84-85]. Известно, что впервые фигура митрополита Михаила появляется в источниках уже в некоторых списках XV в. Церковного устава князя Владимира, в них Михаил оказывается одновременно связан с киевским князем рубежа X-XI вв. Владимиром Святым и константинопольским патриархом Фотием, жившим в IX в. [12] Этот явный анахронизм получил развитие в Никоновской летописи XVI в., по версии которой митрополит Михаил ездил при Владимире Святом по Руси вместе с 4-мя другими посланным Фотием архиереями [13, с. 167]. Составитель Латухинской степенной книги попытался по-своему разрешить это противоречие, упомянув двух не связанных между собой митрополитов Михайлов – второй крестил Русь при Владимире Святом по поручению жившего тогда патриарха Сергия, а первый, современник патриарха Фотия, крестил русов в IX в., явив им чудо несгораемого Евангелия [14, с. 84-85]. Эту версию о показе Михаилом митрополитом русам чуда потом и повторил вкратце В. Н. Татищев, прибавив от себя для митрополита титул кир, что отразилось и в изучаемом рассказе ИЛ [ср.: 22, с. 105-110]. (При этом как отметил Татищев, Ц. Бароний, опираясь на указанных византийских хронистов, привел разноречивые сведения о крещении русов не то при императоре Михаиле, не то при Роме [там же, с. 105] (в действительности – при Василии). Это расхождение в византийских хрониках восходит еще к таким памятникам середины X в. как хроника Продолжателя Феофана (далее-ПрФ) и написанное Константином VII Багрянородным Жизнеописание своего деда Василия I (далее – ЖВ). В хронике ПрФ о крещении русов сообщается еще применительно к истории правления Михаила III, в то время как по версии ЖВ это произошло уже в царствование Василия I [13, с. 124, 126-

127]. Хронист XI в. И. Скилица, опираясь на оба эти памятника, переписал в сокращенном виде оба рассказа о крещении русов [там же, с. 132-133]. Г. Кедрин, опиравшийся на хронику Скилицы, практически дословно переписал у него эти сюжеты [27, р. 173, 242]. В. Н. Татищев рассудил, что Бароний, опираясь на Скилицу и Кедрина, по факту сообщает об одном и том же событии, случившемся при Аскольде [22, с. 105]. Тем более, что в таком неоднократно используемом Татищевым позднем источнике, как Никоновская летопись, заимствованное из византийских хроник известие о несгораемом Евангелие помещено в повесть о князе Рустем (русском) Оскольде [13, с. 166-167]<sup>6</sup>. В ИЛ после начала рассказа о крещении русов, по словам В. Н. Татищева, как нарочно утрачено 2 листа [22, с. 110]. В связи со всем вышесказанным есть основание подозревать, что это не досадная случайность, а Татищев таким образом ловко ушел от необходимости развернуто повторять разноречивые сведения Ц. Барония о крещении русов при разных императорах, или придумывать, каким образом их убедительнее свести к одному времени.

7) Сведения ИЛ об учиненном по слухам еще при князе Святославе сносе поставленной на могиле Аскольда Никольской церкви перекликаются с гипотезой Татищева, что храм был построен сразу при погребении Аскольда и посвящен Св. Николаю в связи с тем, что таковым будто бы было крестильное имя самого Аскольда [Ср: 22, с. 110, 117].

Таким образом, все уникальные сведения ИЛ об Аскольде и его походе на Константинополь носят ярко выраженные черты авторства самого В. Н. Татищева, а восходят либо к используемым

В. Н. Татищевым поздним источникам (Ц. Бароний, Латухинская степенная книга), либо к авторским гипотезам самого Татищева. Потому они никак не могут служить самостоятельным историческим источником о походе русов на Константинополь 860 г. Как не может служить источником о набеге русов тоже опубликованный в числе последних П. В. Кузенковым [13, с. 171] пересказ Татищевым «летосказания Нестора», основанный на тексте Никоновской летописи<sup>7</sup>, в котором разве что В. Н. Татищев, исходя из своей ошибочной версии, что Дир – это характеристика самого Аскольда как Рюрикова пасынка, «поправлял» летописцев, что речь идет не о двух лицах, Аскольде и Дире, а лишь об одном Аскольде.

<sup>6</sup>Как уже отмечал один из авторов этих строк, появление в источниках привязки князя Аскольда к чуду неопалимого Евангелия и крещению русов относится уже к XVI в. – в начале 1510-х гг. волоколамский книжник Ферапонт Обухов идентифицировал «архонта росов» как князя Аскольда, чуть позднее (в 1516-1522 гг.) имя Аскольда попало в аналогичный рассказ Хронографа 1512 г., служившего источником Никоновской летописи [1, с. 183].

<sup>7</sup>Кузенков, указав ряд параллелей этого раздела труда В. Н. Татищева с Никоновской летописью, отметил одно заметное расхождение – у Татищева речь идет о покорении Аскольдом кривичей (а не разорении полочан, как в Никоновской летописи) [ср: там же, с. 166, 172]. Но это различие не принципиально – В. Н. Татищев считал полочан потомками западновинских славян кривичей и дреговичей, назвавшимися потом по притоку Западной Двины – Полоте [23, с. 29].

## Список источников и литературы

1. *Аряев, Л. Н.* Призраки из Аскольдовой могилы. Рецензия на: Козлов М. Н. Система государственного управления в южной конфедерации племен Древней Руси в эпоху правления князя Аскольда // *Novogardia*. № 2. 2019. С. 5-17 / Л. Н. Аряев. // *Novogardia*. – 2020 – № 3 (7). – С. 176-200.
2. *Аряев, Л. Н.* Татищевские известия о княгине Ольге и ее реформах /Л. Н. Аряев // *Novogardia* – 2021 – № 4 (12) – С. 35-68.
3. *Аряев, Л. Н.* Татищевские известия в начальных главах четвертой части «Истории Российской» (1462–1533) / Л. Н. Аряев // *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. – 2024 – № 1 (25). – С. 84-110.
4. *Аряев, Л. Н.* Татищевские известия о княжении Василия Темного (1425–1462) / Л. Н. Аряев// *Палеоросия. Древняя Русь:во времени, в личностях, в идеях*. – 2025 – № 1 (29). – С. 49-69.
5. *Аряев, Л. Н.* Источники и факты. Три очерка о ложных знаниях в русской средневековости / Л. Н. Аряев // *Памяти учителей: сборник научных трудов к столетию со дня рождения Ю. Г. Алексеева и девяностопятилетию со дня рождения Р. Г. Скрынникова*. Санкт-Петербург: Деан, 2026 (в печати)
6. *Быков, А. В.* Структура и численность новгородского войска в XIII-XV веках / А. В. Быков // *Novogardia* – 2020 – № 1 (5) – С. 25-70.
7. *Возгрин, В. Е.* Хроника Стуре (эксцерпт) / В. Е. Возгрин // *Труды Кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета*. – 2009 – № 3. – С. 274-303.
8. *Голубинский, Е. Е.* О так называемой Иоакимовской летописи Татищева: Речь, произнесенная на годовичном акте в Московской Духовной Академии 1 октября 1881 года ординарным профессором Академии Е.Е. Голубинским / Е. Е. Голубинский. // *Прибавления к творениям св. Отцов*. – 1881 – Ч. 28 – Кн. 4 – С. 602-640.
9. *Горовенко, А. В.* Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? / А. В. Горовенко // *Valla*. – 2018 – № 4 (5) – С. 1-16.
10. *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. – Москва: Наука. 1993 – 304 с.
11. *Конча, С. В.* Исследования о летописи Иоакима / С. В. Конча // *Труды Первой Международной конференции «Начала русского мира», состоявшейся 28-30 октября 2010*. – Санкт-Петербург: Блиц, 2011. – С. 146-165.
12. *Костромин К., прот.* К вопросу о формировании образа Михаила, первого митрополита Киевского / прот. К. Костромин // *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2022. № 4 (20). С. 4-16.
13. *Кузенков, П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000. Проблемы источниковедения. Москва: Восточная литература, 2003. – С. 3-172.
14. *Латухинская степенная книга*. 1676 год – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – 880 с.
15. *Моргайло, В. М.* Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи / В. М. Моргайло. // *Археографический ежегодник за 1962 г.* – Москва: АН СССР, 1963 – С. 260-268.
16. *Несин, М. А.* Выпуск памяти С.Н. Азбелева в антиисторическом формате / М. А. Несин // *Valla* –2018. – № 4 (5) – С. 79-109.
17. *Несин, М. А., Аряев, Л. Н.* О сомнительных методах работы с источниками ради иллюстрации удобной концепции. (Размышления по поводу работы М. И. Жиха «О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь 860 г.») / М. А. Несин, Л. Н. Аряев // *Историческая экспертиза*. – 2024. – № 4. – С. 227-252.
18. *Острогорский, Г. А.* История Византийского государства / Г. А. Острогорский – Москва: Сибирская благовонница, 2011. 352 с.

19. Повесть временных лет. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 667 с.
20. Рансимен, С. Падение Константинополя в 1453 году/ С. Рансимен. / Пер. с англ. Предисл. И. Е. Петросян и К. Н. Юзбашяна. – Москва: Наука, 1983. – 200 с.
21. Свердлов, М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской» / М. Б. Свердлов. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2009. – 341 с.
22. Татищев, В. Н. Собрание сочинений в 8-и томах / В. Н. Татищев. Т. 1. – Москва: Ладомир, 1994. – 500 с.
23. Татищев, В. Н. Собрание сочинений в 8-и томах / В. Н. Татищев. Т. 2–3. – Москва: Ладомир, 1994. – 688 с.
24. Творогов, О. В. Иоаким / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 1. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 204-206.
25. Янин, В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев: о возможном источнике Иоакимовской летописи / В. Л. Янин. // Русский город (исследования и материалы). – Москва: МГУ, 1984 – Вып. 7 – С. 40-56.
26. Andréadès, A. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins / A. Andréadès // Metron. – 1920. – Vol. 1. – № 2. – P. 68-119.
27. Corpus scriptorum historiae byzantinae: Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus. Т. 2. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1839. 638 p. (In Latin).
28. Gorlin, M. La Chronique de Joachim / M. Gorlin // Revue des études slaves – 1939. – tome 19 – fascicule 1-2 – P. 40-51.
29. Jacoby, D. La population de Constantinople à l'époque byzantine / D. Jacoby // Byzantiom. – 1961. – Т. 31. – P. 81-110.
30. Kaplan, M. La population de Constantinople du vie siècle à l'époque des Paléologues / M. Kaplan. // L'Empire Romain d'Orient et la genèse de l'idée d'État en Europe. – Londres, 2005. – P. 73-82.
31. Koç, Y. The Population of Constantinople in the Byzantine Period / Y. Koç// History of Istanbul. – 2020 – № 3. URL: <https://istanbultarihi.ist/460-the-population-of-constantinople-in-the-byzantine-period>
32. Lavrov, A. Vasilij Tatiščev, “Mabillon russe”ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v.1748–1750) / A. Lavrov // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonnew et E. Rai. –Paris, 2013 – P. 77-88.
33. Mango, C. Bizans- Yeni Roma İmparatorluğu / C. Mango. – Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2008. – 344 s.
34. Thesaurus novus anecdotorum. – Т. 1. – Lutetia Parisiorum [Paris]: Ed. Edmond Martène et Ursin Durand, 1717. – 1856 col.
35. Waugh, D. C. Constantinople / Istanbul / D. C. Waugh // Silk Road Seatl. 2004. URL: <https://depts.washington.edu/silkroad/cities/turkey/istanbul/istanbul.html>

**Аряев Леонид Николаевич** – независимый исследователь, (г. Зальфельд, Германия), [l.aryayev@yandex.ru](mailto:l.aryayev@yandex.ru)

**Несин Михаил Александрович** – к.и.н., библиотекарь, Библиотека Российской академии наук, (г. Санкт-Петербург, Россия), [petergof-history@yandex.ru](mailto:petergof-history@yandex.ru)

## **SOME STEREOTYPES ABOUT THE RUS AND THE BYZANTINE CAPITAL IN THE 9TH CENTURY. PART 1.**

***L. N. Aryaev, M. A. Nesin***

*The sources do not provide information about the population of Constantinople in the 9th century. In historiography, the reconstruction of the population of medieval Constantinople made more than a hundred years ago by A. Andreadis is still uncritically used, although the author himself considered it unscientific and relied on round figures from narrative sources, which he*

*recognized as unreliable and inaccurate. A careful analysis of the sources allows us to estimate the population of medieval Constantinople in the tens of thousands, rather than in the hundreds of thousands. The unique information in the Joachim Chronicle about Prince Askold and his campaign against Constantinople is not a historical source about the Rus campaign against Constantinople in 860, but rather a clear indication of V. N. Tatishchev's authorship, either based on the sources used by Tatishchev or on his own hypotheses.*

**Keywords:** A. Andreadis, Tetaldi, V. N. Tatishchev, the Joachim Chronicle, Askold and Dir, Russia, and Constantinople.

## References

1. Aryaev L. N. Prizraki iz Askoldovoi mogili. Retsenziya na: Kozlov M. N. Sistema gosudarstvennogo upravleniya v yuzhnoi konfederatsii plemen Drevnei Rusi v epokhu pravleniya knyazya Askolda // Novogardia. № 2. 2019. P. 5-17. [Ghosts from Askold's grave. Review of: Kozlov M. N. System of public administration in the southern confederation of ancient Russia tribes during the reign of prince Askold // Novogardia. № 2. 2019. P. 5-17]. Novogardia. 2020. № 3 (7). P. 176-200 (In Russ).
2. Aryaev L. N. Tatishchevskie izvestiya o knyagine Ol'ge i ee reformah [Tatishchev's news about Princess Olga and her reforms]. Novogardia. 2021. № 4 (12). P. 35-68. (In Russ).
3. Aryaev L. N. Tatishchevskie izvestiya v nachal'nyh glavah chetvertoj chasti «Istorii Rossijskoj» (1462–1533) [Tatishchev's news in the initial chapters of the fourth part of the "History of Russia" (1462-1533)]. Paleorosiya. Drevnyaya Rus':vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah [Paleorossiya. Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas]. 2024. № 1 (25). P. 84-110. (In Russ.)
4. Aryaev L. N. Tatishchevskie izvestiya o knyazhenii Vasiliya Temnogo (1425–1462) [Tatishchev's news about the reign of Vasily the Dark (1425-1462)]. Paleorosiya. Drevnyaya Rus':vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah [Paleorossiya. Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas]. 2024. № 1 (29). P. 49-69. (In Russ.)
5. Aryaev L. N. Istochniki i fakty. Tri ocherka o lozhnyh znaniyah v russkoj medievistike [Sources and Facts. Three Essays on False Knowledge in Russian Medieval Studies]. Pamyati uchitelej: sbornik nauchnyh trudov k stoletiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Alekseeva i devyanostopyatiletiya so dnya rozhdeniya R. G. Skrynnikova [In Memory of Teachers: A Collection of Scientific Papers for the Centenary of the Birth of Yu. G. Alekseev and the Ninety-Fifth Anniversary of the Birth of R. G. Skrynnikov]. Sankt-Peterburg: Dean, 2026. (In press). (In Russ.)
6. Bykov A. V. Struktura i chislennost' novgorodskogo vojska v XIII-XV vekah [Structure and Size of the Novgorod Army in the 13th-15th Centuries]. Novogardia. 2020 № 1 (5). P. 25-70. (In Russ).
7. Vozgrin V. E. Hronika Sture (ekscerpt) [Chronicle of Sture (excerpt)]. Trudy Kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Transactions of the Department of Modern and Contemporary History, St. Petersburg State University]. 2009. № 3. P. 274-303. (In Russ).
8. Golubinskij E. E. O tak nazyvaemoj Ioakimovskoj letopisi Tatishcheva: Rech', proiznesennaya na godichnom akte v Moskovskoj Duhovnoj Akademii 1 oktyabrya 1881 goda ordinarnym professorom Akademii E.E. Golubinskim [On the so-called Joachim Chronicle of Tatishchev: A speech delivered at the annual act at the Moscow Theological Academy on October 1, 1881, by the ordinary professor of the Academy, E. E. Golubinsky]. Pribavleniya k tvoreniam sv. Otcov [Additions to the works of the Holy Fathers]. 1881. Ch. 28. Kn. 4. P. 602-640. (In Russ.)
9. Gorovenko A. V. Rasskaz Ioakimovskoj letopisi o kreshchenii novgorodcev: mogu li dannye arheologii oprovergnut' tekstologicheskie vyvody? [Story of the Joachim Chronicle about the baptism of Novgorodians: can archeological data refute textual conclusions?] Valla. 2018. № 4(5). P. 1-16. (In Russ.)
10. Zhoffrua de Villarduen. Zavoevanie Konstantinopolya [Conquest of Constantinople]. Moskva: Nauka, 1993 304 p. (In Russ).
11. Koncha S. V. Issledovaniya o letopisi Ioakima [Studies on the Chronicle of Joachim]. Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala russkogo mira», sostoyavshejsya 28– 30

- oktyabrya 2010 [Proceedings of the First International Conference "Origins of the Russian World", held on October 28-30, 2010]. Sankt-Peterburg: Blic, 2011. P. 146–165. (In Russ.)
12. *Kostromin K., prot.* K voprosu o formirovanii obraza Mikhaila, pervogo mitropolita Kiyevskogo [On the Formation of the Image of Michael, First Metropolitan of Kyi]. Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh [Paleorossiya. Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas]. 2022. № 4 (20). P. 4–16. (In Russ.)
13. *Kuzenkov P. V.* Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources]. Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. P. 3–172. (In Russ.)
14. Latuhinskaya stepennaya kniga. 1676 god [Latukhin Book of Degrees. 1676]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012. (In Russ.)
15. *Morgailo V. M.* Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstem Ioakimovskoiletopisi [V.N.Tatishchev's work on the text of the Joachim Chronicle]. Arkheograficheskiiezhegodnik za 1962 g. [Historiographical yearbook of 1962]. Moscow: AN SSSR, 1963. (In Russ.)
16. *Nesin, M. A.* Vypusk pamyati S.N. Azbeleva v antiistoricheskom formate. [Issue in memory of S.N. Azbelev in ahistorical format]. Valla. 2018. № 4(5). P. 79-109. (in Russ.)
17. *Nesin M. A., Aryaev L. N.* O somnitelnikh metodakh raboti s istochnikami radi illyustratsii ugodnoi kontseptsii. (Razmishleniya po povodu rabotu M. I. Zhikha «O nekotorykh diskussionnykh voprosakh pokhoda rusov na Konstantinopol 860 g.) [On questionable methods of working with sources and literature in order to illustrate a pleasing concept (reflections on the recent work of M. I. Zhikh «On some controversial issues of the Rus campaign against Constantinople in 860)]. Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]. 2024. № 4. P. 227-252. (In Russ.)
18. *Ostrogorskiy, G. A.* Istoriya Vizantiyskogo gosudarstva [History of the Byzantine State]. Moskva: Sibirskaya blagozvonnitsa, 2011. 352 p. (In Russ.)
19. Povest' vremennykh let [Tale of Bygone Years]. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. 667 p. (In Russ.)
20. *Ransimen, S.* Padenie Konstantinopolya v 1453 godu [Fall of Constantinople in 1453]/Translated from English. Preface by I.E. Petrosyan and K.N. Yuzbashyan. – Moskva: Nauka, 1983. 200 p. (In Russ.)
21. *Sverdlov, M. B.* Vasilij Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor «Istorii Rossijskoj» [Vasily Nikitich Tatishchev – author and editor of "History of Russia"]. Sankt-Peterburg: Evropejskij Dom, 2009. 341 p. (In Russ.)
22. *Tatishchev, V. N.* Sobranie sochinenij v 8-i tomah [Collected Works in 8 Volumes]. T. 1. Moskva: Lodomir, 1994. 500 p. (In Russ.)
23. *Tatishchev, V. N.* Sobranie sochinenij v 8-i tomah [Collected Works in 8 Volumes]. T. 2-3. Moskva: Lodomir, 1994. 688 p. (In Russ.)
24. *Tvorogov O. V.* Ioakim [Joachim]. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus']. Vyp. 1. Leningrad: Nauka, 1987. P. 204-206. (In Russ.)
25. *Yanin V.L.* Letopisnye rasskazy o kreshchenii novgorodcev: O vozmozhnom istochnike Ioakimovskoj letopisi. [Chronicle stories about the baptism of Novgorodians: On a possible source of the Joachim Chronicle]. Russkij gorod (issledovaniya i materialy) [Russian City (Research and Materials)]. Moskva: MGU, 1984. Vyp. 7. P. 40-56. (In Russian)
26. *Andréadès, A.* De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins / A. Andréadès [On the Population of Constantinople under the Byzantine Emperors]. Metron. 1920. Vol. 1. № 2. P. 68-119. (In French).
27. Corpus scriptorum historiae byzantinae: Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendates [Corpus of Byzantine history writers: Georgius Cedrenus, supplemented and improved by I. Bekkero with the help of Ioannis Scylitzae]. T. 2. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1839. 638 p. (In Latin and Greek).
28. *Gorlin M.* La Chronique de Joachim [Chronicle of Joachim]. Revue des études slaves [Review of Slavic studies]. 1939. T. 19. Fascicule 1-2. P. 40-51 (in French).

29. *Jacoby D.* La population de Constantinople à l'époque byzantine [Population of Constantinople during the Byzantine era]. Byzantion [Byzantium]. 1961. T. 31. P. 81-110 (In French).
30. *Kaplan M.* La population de Constantinople du vie siècle à l'époque des Paléologues [Population of Constantinople from the sixth century to the time of the Paleologists]. L'Empire Romain d'Orient et la genèse de l'idée d'État en Europe [Eastern Roman Empire and the genesis of the idea of the State in Europe]. Londres, 2005. P. 73-82. (In French).
31. *Koç Y.* The Population of Constantinople in the Byzantine Period. History of Istanbul. 2020. № 3. URL: <https://istanbultarihi.ist/460-the-population-of-constantinople-in-the-byzantine-period> (In Eng.)
32. *Lavrov A.* Vasilij Tatiščev, "Mabillon russe" ou mystificateur? La Chronique de Joachim dans l'Histoire de Russie (v.1748–1750) [Vasiliy Tatishchev, "Russian Mabillon" or mystifier? Chronicle of Joachim in the History of Russia (1748-1750)] Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan Terrible à Ključevskij (1547–1917), publié sous la direction de P. Gonneau et E. Rai [Writing and rewriting the Russian history of Ivan the Terrible in Ključevskij (1547-1917), published under the direction of P. Gonneau and E. Rai]. Paris, 2013. P. 77-88. (In French).
33. *Mango C.* Bizans- Yeni Roma İmparatorluğu [Byzantine- New Roman Empire]. Istanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2008. 344 s. (In Turkish).
34. Thesaurus novus anecdotorum [New treasure trove of anecdotes]. – T. 1. – Lutetia Parisiorum [Paris]: Ed. Edmond Martène et Ursin Durand, 1717. – 1856 col. (In French).
35. *Waugh D. C.* Constantinople / Istanbul. Silk Road Seatl. 2004. URL: <https://depts.washington.edu/silkroad/cities/turkey/istanbul/istanbul.html> (In Eng.).

**Aryayev Leonid Nikolaevich** – independent researcher, (Saalfeld, Germany), l.aryayev@yandex.ru

**Nesin Mikhail Alexandrovich** – candidate of historical sciences, librarian of the Library of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), petergof-history@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию: 28.05.2026; принята к публикации: 02.07.2026.*

#### ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Аряев Л. Н., Несин М. А. Некоторые стереотипы о русах и византийской столице IX в. Часть 1. // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 3(17). – С. 33-46.

#### FOR CITATION:

*Aryaev L. N., Nesin M. A.* Nekotorye stereotipy o rusah i vizantijskoj stolice IX v. CHast' 1. [Some stereotypes about the rus and the byzantine capital in the 9th century. Part 1.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 3(17). P. 33-46.